

Бакеева Елена Васильевна

ЭНЕРГИЯ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматривается современная ситуация растущего интереса к понятию энергии во многих областях современной культуры – от сферы повседневности до философии и естествознания. Показано, что данное явление может быть осмыслено как симптом "феноменологического поворота" современной мысли. В качестве онтологического феномена энергия выступает одновременно целью и средством осуществления действия саморефлексии субъекта мышления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 19-22. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 101.1

Философские науки

В статье рассматривается современная ситуация растущего интереса к понятию энергии во многих областях современной культуры – от сферы повседневности до философии и естествознания. Показано, что данное явление может быть осмыслено как симптом «феноменологического поворота» современной мысли. В качестве онтологического феномена энергия выступает одновременно целью и средством осуществления действия саморефлексии субъекта мышления.

Ключевые слова и фразы: энергия; «первофеномен»; «первосубстанция»; метафизика; феноменология.

Бакеева Елена Васильевна, д. филос. н., доцент

Уральский федеральный университет

elenabk2008@yandex.ru

ЭНЕРГИЯ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН®

Слово «энергия» вместе со своими производными («энергетика», «энергетический» и т.п.) употребляется сегодня в самых разных контекстах – от естественнонаучного дискурса до языка повседневности, активно оперирующего такими паранаучными «терминами», как «энергетический вампир» или «позитивная («негативная») энергетика». Само по себе это явление требует осмысления и, как можно предположить, выступает симптомом все более явно обнаруживающейся *нехватки энергии*. В начале лекционного курса «Энергия», прочитанного В. В. Бибихиным на философском факультете МГУ в 1990-1991 гг., автор замечает: «Энергия стала для нас темой, наша втянутость в отношения с энергией стала для нас темой, мы взглянули на эти отношения со стороны – почему? ...Может быть, все дело в том, что мы *расстаемся* с энергией? Не сама энергия, которая давно гудит во множестве машин, разбудила нас, а еще не очень заметный, но уже просачивающийся холодок неминуемого с той энергией расставания? ...Энергия, похоже, разбудила нас схватиться за нее, тематизировать ее тем, что она уходит из нашего мира» [1, с. 36].

Эта, на первый взгляд, сугубо поэтическая версия объяснения растущего интереса к феномену энергии в современной культуре обнаруживает в случае принятия ее всерьез свою исключительную глубину и строгость. Давно сформулирована известная закономерность, согласно которой тематизируется («попадает под прицел» человеческого разума) именно то, что перестает существовать «автоматически», независимо от этого разума. Именно с этим явлением можно связать те пресловутые «повороты», которые характеризуют историю философской мысли: гносеологический, лингвистический, антропологический ...В этом отношении частое «мелькание» слова «энергия» в различных современных дискурсах может рассматриваться как требование тематизации энергии, предъявляемое человеку его собственной экзистенциальной ситуацией.

Данная статья представляет собой попытку выявить смысл (и, соответственно, возможный результат) этой тематизации. Самым очевидным, продиктованным сциентистской инерцией путем такого осмысления выглядит обращение к достижениям современного естествознания в деле исследования энергии. Как известно, понятие энергии уже на рубеже XIX-XX вв. обретает фундаментальный статус в области исследования природы, прежде всего, – в физике микромира, что позволило В. Гейзенбергу во второй половине XX века утверждать взаимозаменяемость понятий «материя» и «энергия» в качестве обозначений «первосубстанции» [2, с. 69].

Означает ли это, что именно наука, и в первую очередь, наука о природе, должна в конце концов окончательно прояснить феномен энергии, предложив новую картину мира взамен «старой», опирающейся на представления о находящихся в основе всего существующего мельчайших частицах вещества? Разработка и окончательное оформление этого нового – динамического – способа объяснения природных процессов позволило бы «очистить» язык современной культуры от паранаучных злоупотреблений и вновь привести сознание современного человека к утерянному общему знаменателю. Это оптимистичное предположение, однако, выглядит в начале XXI века гораздо менее убедительным, нежели в 60-70-е гг. XX века, когда В. Гейзенберг сформулировал свое упомянутое выше философско-методологическое положение. Естественнонаучное исследование энергии как «первосубстанции» очевидным образом «натывается» сегодня на собственные пределы.

Речь идет прежде всего о проблеме, выявленной уже в первой половине XX столетия и продолжающей оставаться «камнем преткновения» в физике микромира: о проблеме интерпретации т.н. «квантовой реальности». Последняя, как отмечалось уже и В. Гейзенбергом, выглядит все более «нереальной», по крайней мере, в контексте привычных представлений о реальности как о том, что *предшествует* этим представлениям. Рассудочная логика требует признать, что предшествовать – значит быть устойчивым, определенным, иными словами – быть «чем-то». Однако именно этой определенности и лишена «квантовая реальность».

Упомянув в качестве основополагающего принципа квантовой механики принцип суперпозиции, согласно которому «до акта наблюдения объект находится сразу одновременно во всех допустимых состояниях» [5, с. 180], А. Ю. Севальников одновременно указывает на обусловленную этим принципом «фантастичность, сюрреальность квантового мира» [Там же]. Эта сюрреальность связана именно с отсутствием определенности: «квантовый мир» – это уже не *что-то* и, тем самым, *ничто*. Неизбежность этого вывода обнаруживает проблематичность достижения тех целей, которые продолжает ставить перед собой наука о природе и которые связываются,

например, с созданием «новой динамической онтологии»: «Новые динамические представления о реальности позволяют выделить ряд принципов, которые смогут дать общую картину изменяющейся реальности. Если статистическая философия Декарта (где субстанция существует “сама по себе”, логически приводит к структурализму, описывающему лишь статические структурные парадигмы, то динамическая онтология призвана выделить и описать элементарные блоки динамики, общие для разных уровней и процессов реальности» [Там же, с. 184].

Оптимистический характер этих положений наталкивается, по крайней мере, на одно неучтенное обстоятельство: динамическая (возможностная) онтология не может быть представлена в виде картины (пусть даже *изменяющейся*) реальности! «Перемена мест» в рамках оппозиции «возможность-действительность» неминуемо влечет за собой *отказ от самой идеи общей картины реальности*. Принятая всерьез (в качестве первичной), категория возможности требует, во-первых, признания своей неисчерпаемости (любые выявленные, описанные «блоки динамики» здесь представляют собой незавершенный ряд) и, во-вторых, включения в «поле» своего действия самого субъекта описания, т.е. наблюдателя. Последний, таким образом, должен как бы «раздвоиться», помыслить одновременно абсолютную возможность и – возможность относительную, конкретную, осуществляемую *здесь и сейчас*. Возвращаясь к вышеописанной проблеме интерпретации «квантовой реальности», можно представить эту ситуацию следующим образом: исследователь «раздваивается» здесь на «абсолютного наблюдателя», каким-то непостижимым образом мыслящего «совокупность всех возможных состояний реальности» (и, по сути дела, занимая позицию Бога) и на того, кто осуществляет акт наблюдения и, тем самым, имеет дело с возможностью, перешедшей в некую конкретную действительность. Этот дуализм (как субъекта, так и объекта) в контексте исследования «квантовой реальности» оказывается неизбежным, а следовательно, обесмысливает саму идею «общей картины динамической реальности». Рядом с этой предполагаемой картиной всегда маячит некий «неразложимый остаток» реальности, в картину не уместящийся.

Столь же парадоксальная ситуация возникает и в рамках любой попытки философского осмысления энергии как «первосубстанции». Если вспомнить тезис М. Хайдеггера: «Поскольку метафизика расследует сущее как сущее, она остается при сущем и не обращается к бытию как бытию» [6, с. 47], подобная попытка всегда представляет собой метафизическое предприятие. Энергия утверждается как то, что есть по истине, обобщая собой тот или иной *образ мира*. Разумеется, такой динамический образ в любой из своих вариаций кажется более адекватным тем представлениям о мире, которые предлагают человеку современная наука или опыт повседневности. Вместе с тем, выступая в качестве «первосубстанции», того, что *есть*, находится в основе всего существующего, энергия в конце концов также обнаруживает пределы своей мыслимости, подобно тому, как в науке неизбежно обозначаются пределы опытного и теоретического исследования энергии. Укажем только на два из множества примеров подобных попыток создания «метафизики энергии», предпринятых в философии XX столетия.

Философия жизни первой половины XX столетия – во всех своих проявлениях, от Ницше до Бергсона – отмечена следующим парадоксом: *жизнь*, как бессознательная сила или порыв, выступающий *основой всего*, оказываясь «объектом» философского осмысления, требует допущения некоего *второго*, внешнего по отношению к себе, начала. Этот дуализм, присутствующий в философии жизни чаще всего в скрытом виде, утверждается и отчетливо проговаривается, к примеру, в философско-антропологической концепции М. Шелера, противопоставляющего друг другу «дух» и «жизненный порыв»: «Дух, конечно, может *обрести* мощь через процесс сублимации. Жизненные влечения могут войти (или не войти) в присущую ему закономерность и в идейную и смысловую структуру, которую он демонстрирует им в качестве руководящего образа, и в ходе этого вхождения и прониновения они могут сообщить духу – как в индивиду, так и в истории – силу; *но изначально у духа нет собственной энергии*. Высшая форма бытия, так сказать, “детерминирует” *сущность* и сущностные сферы мироустройства, но *осуществляется* она посредством иного, второго принципа, который столь же *изначально* свойствен первосущему: посредством творящего реальность и определяющего случайные образы принципа, который мы называем “порывом”, или фантазией порыва, творящей образы» [7, с. 171-172].

Мы видим здесь, по сути, то же «раздвоение» субъекта мысли, как и в случае с парадоксом «квантовой реальности»: необходимо *одновременно* мыслить и «первосущее», вбирающее в себя два разнородных принципа, и каждый из этих принципов в отдельности, действующих «здесь и сейчас», в конкретном событии определения неопределенной (стихийной) энергии. Иными словами, необходимо *уместить* в одной и той же мысли *движение и покой, все (ничто) и ничто (что-то)*.

Вторым ярким примером подобного парадокса, лежащего в основе «метафизики энергии», может служить «Философия имени» А. Ф. Лосева. Неустраняемая двойственность имени как энергии раскрывается А. Ф. Лосевым следующим образом: «...имя вещи есть потенциальная умная энергия *самопознания* вещи. Однако тут необходимо уберечься от ошибки, связанной с этим последним термином. Когда говорится о самопознании, имеют в виду, главным образом, различения, производимые *внутри себя*, внутри субъекта, т.е. уже предполагается, что субъект существует готовым, существует с твердыми и определенными границами и нужно только производить анализ внутри этих границ. Имя же предполагает, что мы подходим к вещи *извне*; оно требует, чтобы вещь *выразила себя вовне*. Поэтому имя не есть, собственно говоря, орудие *самопонимания*, орудие не внутреннего анализа внутри субъекта, но внешнего соотнесения всего субъекта целиком со всем окружающим. Итак, имя вещи есть энергия ее самопонимания» [4, с. 837-838].

Как нетрудно заметить, энергия здесь перемещается на противоположный «полюс» отношения между тем, что подлежит упорядочиванию, и началом порядка. В то время как в концепции М. Шелера первичная энергия слепа и требует сублимации духом, лосевская «философия имени» утверждает умную энергию, противопоставляя ее «самой вещи». Все попытки мыслителя преодолеть неизбежный здесь дуализм,

подчеркивая невозможность оторвать вещь от ее энергийной (смысловой) основы, разбиваются о невозможность описать средствами языка и рассудочной логики то самое «все», которое неизбежно оборачивается «ничем». Именно поэтому, занимая позицию абсолютного наблюдателя, каким-то образом охватывающего взглядом и вещь, и имя (как «умную энергию»), и отношение между ними, автор в конце концов не может избежать «раздвоения», оказываясь своего рода «ареной борьбы» противоборствующих начал: «Имя вещи наступает на саму вещь, принудительно окутывает ее своими умными энергиями, повелительно выявляет и настойчиво манифестирует ее скрытые и глубинные возможности. Поэтому в качестве реального аналога в реальности самой вещи именному самопониманию соответствует умная повелительность и настойчивое принуждение признавать вещь именно такою, как она есть» [Там же, с. 839].

Это неминуемое «раздвоение» связано с тем же самым обстоятельством, которое характеризует попытки научно-теоретического изучения энергии: последняя (в своей «сердцевине») всегда ускользает от исследовательского взгляда, остается для него непроницаемой. Именно поэтому исследователь, обращаясь к энергии, всякий раз обнаруживает как минимум два объекта вместо одного: от внимания ускользает само событие поляризации, разделения того, что именуется «энергией».

В силу того что сам исследователь выступает участником этого события, последнее оказывается всякий раз и событием оформления субъект-объектного отношения «внутри» этой «первосубстанции». Иными словами, задача осмысления энергии предполагает парадоксальную необходимость, возникающую перед субъектом мысли: стать свидетелем собственного рождения. Однако это именно та ситуация, которая характеризует т.н. «феноменологический поворот» в философии рубежа XIX-XX вв., инициированный Э. Гуссерлем. Феноменология (не только в гуссерлевском, но и во всех последующих ее вариантах) всегда предъявляет это парадоксальное требование к субъекту мысли: осуществлять преобразование себя самого и одновременно описывать «эффекты» этого преобразования. Последнее же, как неоднократно подчеркивал сам Э. Гуссерль, призвано прежде всего вернуть мыслящего к своему собственному истоку, максимально прояснить этот темный, непрозрачный исток, дающий мысль и то, «о чем» она. Задача феноменологии, по Гуссерлю, «...заключается в том, чтобы все, растекающееся в неясности, пребывающее на большем или меньшем удалении для созерцания, было доставлено на нормально близкое расстояние, чтобы оно *представляло в совершенной ясности*, – только тогда можно будет практиковать созерцание сущности, только тогда интуиции будут соответственно полноценными, и интендируемые сущности и сущностные отношения будут достигать совершенной данности» [3, с. 143].

Иными словами, приблизить то, что *уже есть* (во мне!) – вот задача феноменологии. В свете этой основной задачи, определяющей философскую ситуацию XX века, многие характерные приметы этой ситуации выступают в качестве различных аспектов одного и того же события. Отказ от жесткой субъект-объектной оппозиции, различные опыты философского осмысления языка и телесности, провозглашение «конца человека» и «смерти субъекта» могут быть поняты в этом контексте как «симптомы» *возвращения к себе*. Некорректно было бы даже утверждать, что возвращается к себе человек, но то, что, проходя через человека, всякий раз «раздваивается» на мысль и то, «о чем» мысль.

Понятие энергии в этом событии возвращения играет особую роль: оно «схватывает» это «раздвоение» на самом пределе, на границе с исходным единством, выступая одновременно действием и осмыслением этого действия. Именно поэтому энергия упорно сопротивляется объективирующему взгляду, ускользает от него, как в науке, так и в философии «метафизического» типа. В этом сопротивлении энергия обнаруживает себя не как «первосубстанция», но как «первофеномен». Возможно, пристальный (осознанный и неосознанный) интерес к энергии, проявляемый современной культурой, как раз и призван, прежде всего, указать на необходимость изменения траектории движения: гонка за тем, что «вовне» (например, за «старыми» и «новыми» источниками энергии) должна наконец обнаружить собственный источник. Об этом – замечательно точные слова В. В. Библихина, сказанные в заключительной лекции курса, посвященного энергии: «Мы искали энергию. Она не такая вещь, чтобы ее найти. Но она достаточна для того, чтобы весь мир (на этот раз мир как мы, как собрание вещей) только одно и делал, как делает современный мир, чтобы ее искать, и прежде всего только ее и искать. *Если* современной техники: вот-вот возьмем энергию, *если только* сделаем еще вот это. Аристотелевское *если*: для возможности ни будет ничего невозможного, *если...* – это какое-то другое *если*, потому что возможность *уже* есть в полноте осуществления. Интересное аристотелевское *если*. Оно тоже вроде бы требует от нас какого-то действия, энергии. Вот только надо бы понять, какой» [1, с. 307-308].

Понять, о каком действии идет речь, кажется, просто: о действии *возвращения к себе*. Однако в простоте здесь кроется максимальная сложность: речь идет о постоянном осуществлении-воспроизведении этого действия, в котором мысль об энергии обретает действенность, а «сама» энергия обретает смысл.

Список литературы

1. Библихин В. В. Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 488 с.
2. Гейзенберг В. Избранные философские работы. СПб.: Наука, 2006. 572 с.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии: в 2-х т. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. Т. 1. 336 с.
4. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
5. Севальников А. Ю. Категории «возможное» и «действительное» и современная физика // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000. С. 171-185.
6. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический Проект, 2007. 303 с.
7. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

ENERGY AS ONTOLOGICAL PHENOMENON

Bakeeva Elena Vasil'evna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Ural Federal University
elenabk2008@yandex.ru

The article considers the current situation of growing interest in the notion of energy in many areas of modern culture – from the sphere of everyday life to philosophy and natural science. It is shown that this phenomenon can be interpreted as a symptom of the “phenomenological turn” of modern thought. As an ontological phenomenon energy is both the aim and means of implementing the self-reflection of the subject of thought.

Key words and phrases: energy; “primary phenomenon”; “primary substance”; metaphysics; phenomenology.

УДК 9

Исторические науки и археология

Статья посвящена истории создания, формирования внутренней деятельности Московской военной тюрьмы. Рассматриваются этапы строительства главного корпуса, специализированных и вспомогательно-технических зданий, совершенствования материальной базы в камерах заключенных нижних военных чинов, классифицируются условия пребывания и порядок их размещения. Проанализированы характерные особенности внутренней деятельности тюрьмы в период Первой мировой войны и Октябрьского переворота 1917 г.

Ключевые слова и фразы: Российская империя; Москва; Лефортово; Военное министерство; Военная тюрьма; заключенные; нижние военные чины; церковь.

Башмаков Михаил Борисович

Московский государственный объединенный художественный
историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник
mikhailbashmakov@mail.ru

**ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ ВОЕННОЙ ТЮРЬМЫ
В ЛЕФОРТОВО КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА[®]**

Военная тюрьма – исправительное учреждение Военного министерства в Российской империи до 1917 г., которое предназначалось для всех категорий нижних военных чинов: зауряд-прапорщиков, подпрапорщиков, фельдфебелей, старших унтер-офицеров, младших унтер-офицеров, ефрейторов, рядовых, где они содержались в заключении за воинские и за общегосударственные преступления¹.

До Октябрьского переворота 1917 г. на бывшей территории Российской империи Военных тюрем насчитывалось четыре – в Петербурге, Москве и Варшаве, на 200 человек каждая, в Риге на 125 человек и одно самостоятельное отделение в Кронштадте – на 75 человек.

Цель статьи – провести комплексное исследование рассматриваемой темы, которое поможет создать более целостное представление о жизнедеятельности, месте и роли Московской военной тюрьмы в системе военно-судебного законодательства как специализированного учреждения Главного военно-судного Управления Военного министерства Российской империи начала XX в. – до 1917 г.

В данной статье были использованы неопубликованные материалы фонда по Московской военной тюрьме Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) за 1881-1918 гг., с момента ее создания и до расформирования как учреждения Военного министерства Российской империи, которые включают в себя: подлинные документы по Управлению Московской военной тюрьмой – канцелярия, строевая часть, хозяйственная часть и опись 4 (без наименования) (см. Приложение № 1).

Здание Московской военной тюрьмы было построено в 1880 г., но окончательно подготовлено к передаче для эксплуатации только 14 октября 1881 г. [18, д. 1, л. 40 об.]. Причина этого факта заключалась в том, что в соответствии с проектной документацией здания газового завода, которые планировалось разместить рядом со зданием тюрьмы, не были своевременно построены. Еще одним сдерживающим фактором была приостановка выдачи «вещей для заключенных и денег на обзаведение хозяйственными принадлежностями». В итоге выдача начала осуществляться лишь в конце сентября 1881 г. [Там же, л. 37 – 37 об.].

В соответствии с отчетной документацией начальника военной тюрьмы за 1882 г. Московская военная тюрьма была размещена на окраине города в зданиях Инженерного ведомства, рядом с Анненгофской рощей².

© Башмаков М. Б., 2013

¹ Последние не влекли за собой лишения воинского звания и исключения из военной службы.

² Анненгофская роща – историческая местность, которая была основана в 1730-е гг., уничтожена смерчем 16 (29) июня 1904 года. Располагалась на территории района Лефортово, на почти правильном квадратном участке к югу от реки Синички, ограниченном современными улицами Авиамоторной, Лапина, проездом завода «Серп и Молот» и плацем вдоль лефортовских казарм (1-й Краснокурсантский проезд).